

СПЕЦИАЛЬНАЯ ТЕМА НОМЕРА: УРОКИ ГУМИЛЕВА: БЛЕСК И НИЩЕТА ТЕОРИИ ЭТНОГЕНЕЗА

ЭО, 2006 г., № 3

© В.А. Шнирельман

ВВЕДЕНИЕ

Известный историк Л.Н. Гумилев (1912–1992) прожил непростую жизнь. Сыну знаменитых родителей, ему, казалось бы, самой судьбой было предначертано купаться в лучах их славы и пожинать плоды их необычайной популярности. Между тем жестокий XX в. не щадил ни их самих, ни их творчество. Те, кто мог бы стать гордостью своей страны и своего народа, подверглись страшным испытаниям. Не столько их слава, сколько их несчастья освещали дорогу их сыну, троекратно подвергавшемуся несправедливым арестам и проведенному самым плодотворным годам жизни в заключении. Однако унаследованный от них пылкий ум и художественное воображение превратили суровую каторгу в живую лабораторию. В чем-то Гумилев повторил путь Достоевского, но глубоко личные "Записки из мертвого дома" его, похоже, не привлекали, и его собственные наблюдения воплотились в рассуждениях о судьбах целых народов. Поразительное несоответствие между заслугами своих родителей и их тяжелой судьбой, между своими задатками и жизнью ссыльного, наконец, развертывавшаяся на его глазах трагедия народов, имевших великое прошлое, но преследовавшихся режимом, заставили его задуматься о превратностях и несообразностях судьбы. Не это ли подарило Гумилеву спасительную надежду на то, что драма тяжелого заключения рано или поздно должна смениться радостью освобождения, а затем стало отправной точкой для его рассуждений о взлетах и падениях этносов и культур? Не антигуманная ли динамика XX в. заставила Гумилева искать спасение в столь же антигуманной сциентистской теории, делавшей человека винтиком грандиозной природной машины этногенеза с ее неумолимыми законами?

Фигура Гумилева-ученого парадоксальна, а его опыт поучителен. Не проведя ни одного полевого этнографического исследования и игнорируя огромный массив этнографических материалов, он считал себя основателем этнологической науки. Отрицая познавательную роль этнонимов, он оперировал десятками названий племен и народов, почерпнутых им из письменных источников. Сделав ключевым понятием своей концепции "стереотип поведения", он полагал, что для познания сути этого явления ему достаточно одних лишь бытовых наблюдений. Придавая особое значение связи культуры с окружающей природной средой и понимая ключевую роль в этом хозяйственных систем, он пренебрегал изучением последних; события политической и военной истории ему казались не в пример более важными. Признавая важность передачи культурного опыта от поколения к поколению, он полностью обошел огромный массив научных данных о системах воспитания детей в различных обществах, ограничившись лишь весьма отвлеченными и малодоказательными рассуждениями, далекими от живой реальности. Короче говоря, всячески превознося этносы, Гумилев менее всего думал о серьезном анализе этнических культур, лежащих в их основе.

Виктор Александрович Шнирельман – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН.

Вместе с тем нельзя сказать, что Гумилев вовсе не встречался с представителями иных народов и не наблюдал их поведение. Но этот его опыт ограничивался уникальными условиями ГУЛАГа и может быть сопоставим с результатами предвоенных исследований Циммермана, изучавшего приматов в неволе и обнаружившего у них весьма жесткую структуру взаимоотношений. В течение последних десятилетий выводы Циммермана неоднократно критиковались и были пересмотрены специалистами, наблюдавшими за поведением приматов в естественных условиях, где оно отличалось большей пластичностью и разнообразием. Аналогичным образом следует проводить различия между жестко структурированным поведением людей в условиях заключения и гораздо более многообразными и имеющими иную мотивацию моделями поведения в условиях свободы.

Вот уже более 15 лет книги Гумилева имеют устойчивый спрос и выпускаются невиданными тиражами. Его имени посвящаются научные конференции, в честь него называются университеты, ему ставят памятники. Немало авторов пытаются сделать себе имя на развитии концепций Гумилева. Его идеи служат основой идеологий политических партий и движений, становятся стержнем новых образовательных программ и курсов. Термины, пущенные им в оборот, сегодня наводнили не только научный лексикон, но и бытовую речь.

Между тем созданная им концепция остается слабо обоснованной. Многие его рассуждения плохо соответствуют фактам, другие остаются на уровне анекдота. Когда-то, оценивая евразийство, известный русский историк П.Н. Миллюков сказал, что "то, что у них правильно, то не ново, а то, что ново, то неправильно" (*Miliukov 1930*). Эти слова в полной мере подходят и для творчества "последнего евразийца". Однако при обилии апологетических статей мало кто пытался всерьез оценить теорию Гумилева, рассмотреть его идеи как на фоне массы накопленных этнографических фактов, так и в свете известных в мировой науке концепций. Не делают этого и те, кто сегодня пытается "развивать его идеи".

Каждому, кто знаком с историографией евразийства, трудно не заметить одну любопытную закономерность. Ни евразийцы, ни их последователи, ни даже многие из их критиков по какой-то загадочной причине не любят ссылаться на предшественников или в открытую полемизировать с оппонентами. Классики евразийства пренебрегали ссылками на источники из-за бытовой неустроенности, окружавшей их на чужбине, где они просто не могли достать соответствующей литературы. Их выручала лишь прекрасная память, и знаток без труда обнаружит в их произведениях отзвуки научных и общественных споров конца XIX – начала XX в. В свою очередь Гумилев избегал ссылок на авторов, мягко говоря, непопулярных в СССР, – одни из них были связаны с дореволюционной историографией, другие испытали на себе гонения в советское время, либо их произведения подверглись испепеляющей критике и оказались не в чести, третьи были иностранными мыслителями, развивавшими взгляды, однозначно воспринимавшиеся советскими цензорами как реакционные. Например, одним из важнейших источников, откуда автор теории этногенеза черпал как факты, так и теоретические выкладки, были богатые эмпирическими материалами произведения Г.Е. Грумм-Гржимайло, исходившего из расовой теории и подвергнувшегося суровой критике в конце 1920-х годов (*Грумм-Гржимайло 1926*). Иногда, чтобы отвести от себя обвинение в "антимарксистском подходе", Гумилев был вынужден жестко критиковать авторов, которым он, казалось бы, должен был выражать признательность за почерпнутые у них идеи. Так он, например, поступил с С.М. Широкогоровым, подарившим ему представление об этносе как "биологическом организме" (*Shirokogoroff 1936*). Зато, чтобы усилить бдительность придирчивых цензоров, он называл "теорию этногенеза" вкладом в развитие диалектического материализма.

Источники идей Гумилева могли бы послужить отправным пунктом для весьма многообещающего исследования. Однако такая работа еще впереди. Здесь же мы попробу-

ем оценить работы Гумилева в контексте бурного развития современной науки – насколько его взгляды и идеи соответствуют современному знанию; как они вписываются в некоторые направления науки, получившие популярность в России сегодня; как они соотносятся с современными идеологиями правого спектра; какой отзвук они имеют в общественном сознании и как воздействуют на складывающийся социально-политический климат?

Гумилев занимает своеобразное место в российской историографии и культурологии. Его взгляды лежат между модернизмом и постмодернизмом. С уходящей эпохой его связывает стремление к строгой научности с ее акцентом на классификацию и периодизацию, разделение и противопоставление. И в то же время в его построениях отчетливо звучат постмодернистские мотивы, включающие этническое многоголосье и отвергающие саму идею единой истины. Это более всего проявляется в реабилитации кочевой тюркской культуры, которой советская историография отводила подчиненное место, подчеркивая ее "отсталость" и "варварскую сущность". Тем самым Гумилев фактически подрывал позитивистские основы советской науки, открывая шлюзы для альтернативных подходов к истории и культуре. Именно это и придает парадоксальность гумилевской теории этногенеза, которая, с одной стороны, исходит из понимания культур как отдельных четко очерченных целостностей, но, с другой, демонстрирует их гетерогенный характер, взаимодействие и взаимозависимость, отсутствие жестких границ. Здесь и следует искать объяснение крайней противоречивости суждений Гумилева, выступающих разительным контрастом его стремлению к созданию стройной теории. Не случайно его по видимости строгий стиль изложения то и дело прерывается высокоэмоциональными восклицаниями и афоризмами, более подходящими для публицистики, чем для научного трактата.

В советскую эпоху, придававшую особую ценность "сводкам материалов", наша теория нередко сводилась к классификации и рубрикации. Например, верхом теоретической мысли считалось отделение "этнической культуры" от "культуры этноса". Дальше этого пути уже не было. Только сегодня мы начинаем понимать, что культуры по своей сути диффузны, гибричны, дискурсивны, что, оперируя понятием "культура", мы сплошь и рядом конструируем нужный нам комфортный и непротиворечивый образ культуры, лишь отчасти совпадающий с ее реальным прототипом. Более того, этот образ подвижен, ситуативен, легко поддается интерпретации и реинтерпретации. Культуры – это не кубики с их жесткими гранями, а скорее струи быстро несущегося потока. Не ценности определяют и подавляют волю людей, а сами люди устанавливают, что сегодня является сутью их ценностей. Между тем многих и поныне притягивает уютная идея о нетленных этнических ценностях и устойчивых стереотипах поведения. Именно эту потребность и призвана удовлетворить концепция Гумилева.

Однако сегодня, когда Россия находится на перепутье, иные интеллектуальные построения далеко не безопасны. Именно к таковым, как показано в статье В.А. Шнирельмана, и относится концепция Гумилева. Будучи основана на органическом подходе, она представляет этническую группу безусловной органической целостностью и всецело подчиняет ей индивида. В этом контексте человек подавляется культурой, обретающей роль жесткого репрессивного механизма, устанавливающего строгие рамки не только его поведения, но даже и побуждений. Такое понимание культуры создает благоприятный идейный климат для авторитарной власти, и поэтому неоднократно раздававшиеся в 1990-е годы призывы к "культуроцентризму" могут иметь далеко идущие политические последствия. Ведь не следует забывать, что именно органическое восприятие культуры и общества составляло стержень нацистской идеологии, заявлявшей о своей опоре на "строгое естественно-научное знание". Поэтому отнюдь не случайны многочисленные параллели, обнаруживающиеся между идеями Гумилева и рассуждениями нацистских авторов. Вот почему широкая популярность трудов Гумилева и в особенности их использование в сфере образования вызывают вполне обоснованную тревогу. Пищу по-

следней дают выступления политических радикалов, использующих "евразийские" лозунги для возбуждения ксенофобии.

Драма Гумилева как ученого заключалась в почти полной изоляции от научного сообщества, в отсутствии нормального диалога между специалистами, вынужденными постоянно жить с оглядкой на господствующую репрессивную идеологию, устанавливавшую рамки и задававшую тон научной дискуссии. Любопытно, что не только в советское, но и в постсоветское время построения Гумилева, за редкими исключениями, не подвергались глубокому научному анализу. Если в США выход расистской псевдонаучной монографии "Кривая нормального распределения" вызвал в 1994–1996 гг. жаркую полемику и встретил весьма жесткую критику со стороны научного сообщества, то с книгами Гумилева ничего подобного не происходит. Многие профессионалы стараются их не замечать, тогда как множество его последователей всеми силами популяризируют его идеи как научную истину, не терпящую возражений и тем более пересмотра.

В статье В.А. Коренько дается обстоятельный анализ истории критики взглядов Гумилева. Автор показывает, что с переходом от советской к постсоветской эпохе изменилось не только место Гумилева в общественном дискурсе, но сменился и пафос его немногочисленных оппонентов. Действительно, в советское время Гумилев рассматривался многими представителями академической науки скорее с симпатией и жалостью как человек, немало потерпевший от режима и в силу этого не имевший возможности достичь необходимого профессионализма. Ситуация резко изменилась в годы "перестройки", когда благодаря поддержке своего могучего покровителя А.И. Лукьянова Гумилев превратился в "культовую фигуру", а его историческо-социальные построения стали новой догмой, охотно подхваченной теми, у кого с развалом советской идеологии почва уходила из-под ног. Теперь концепция Гумилева претендовала на место новой "направляющей силы", и к ней охотно обращались чиновники, не находившие ничего более подходящего в качестве мировоззренческого стержня, помогающего ориентироваться в калейдоскопе событий. Ею стали руководствоваться для выстраивания реальной политики. Это и встревожило ряд критиков, увидевших опасность в использовании сырых непроверенных гипотез, в особенности о "химерах" и "антисистемах", для практических действий, способных иметь серьезные последствия для жизни людей. Именно такое некритическое и прямолинейное использование науки безответственными политиками не раз на протяжении XX в. приводило к гуманитарным катастрофам. Вот почему с этой точки зрения историографическая сторона творчества Гумилева, как отмечает автор, показалась ряду критиков менее значимой.

Если в брежневском СССР концепция Гумилева выглядела уникальной, то анализ более широкого контекста позволяет взглянуть на нее с другой стороны. Ужасы Холокоста, осознанные западной общественностью по окончании Второй мировой войны, сделали расовый подход абсолютно неприемлемым, и апелляция к нему моментально выводила человека за рамки мейнстрима. В этих условиях правым радикалам пришлось корректировать свои взгляды. Как демонстрирует М. Ларюэль, во Франции "новые правые" вынуждены были отказаться от бывшего "биологического реализма" и апеллировать к незыблемым "примордиальным" этническим культурам. На смену биологическому расизму пришел новый "культурный расизм", говорящий уже не о неравенстве рас, а о несопоставимости и несовместимости культур, и выступающий не против расового, а против культурного смешения. Из такого подхода с неизбежностью вытекает вывод о конфронтационной сущности взаимодействия контрастных культур, что и нашло выражение в известной теории "столкновения цивилизаций" С. Хантингтона. На Западе такого рода теории имеют спрос в консервативных и праворадикальных кругах, и, как показывает Ларюэль, они по многим параметрам перекликаются с концепцией Гумилева. При этом присущая им латентная ксенофобия прикрывается красивым лозунгом "права на самобытность".

Вместе с тем если на Западе подобные теории имеют ограниченный спрос, то иначе обстоит дело в России, где концепция Гумилева стала едва ли не стержнем ряда новых научных дисциплин, введенных в оборот в 1990-е годы. Одной из таких дисциплин, по словам К.Э. Аксенова, является бурно развивающаяся геополитика, которая уже преподается в ведущих российских университетах, где идеями Гумилева активно пользуются авторы многих учебников. При этом не только современные адепты геополитики и создатели учебной литературы широко используют наследие Гумилева, но он сам в последние годы жизни активно высказывался по горячим геополитическим проблемам и, как показывает автор, вполне может считаться одним из ее основателей. Однако в современной учебной литературе взгляды Гумилева нередко искажаются в угоду идеологической позиции отдельных авторов, иной раз даже приписывающих ему собственные мысли. Отгалкиваясь от весьма спорных рассуждений и утверждений Гумилева, такие авторы выводят из них законы мировой истории и политики, пытаясь воздействовать на действующих и будущих политических деятелей. В их арсенале – откровенное антизападничество, ориентация на Азию и прежде всего исламский мир (в частности, тяготение к Ирану) или, напротив, резкий упор на православие в форме "православной цивилизации", оценка внешнеполитических контактов с точки зрения якобы предначертанной судьбой "комплиментарности" или "некомплиментарности". Между тем, как демонстрирует автор, у адвокатов геополитики наблюдаются разительные расхождения в решении ключевых политических проблем. Это, разумеется, мешает всерьез рассматривать геополитику как строгий научный метод и помещает ее в разряд "полезных идеологий", столь популярных в наше время¹. Вряд ли можно согласиться с автором, что улучшению ситуации могло бы помочь дальнейшее развитие "теории этногенеза", ибо эта теория в ее гумилевском понимании ведет в тупик.

Итак, пришла пора заново рассмотреть те острые вопросы, которые так занимали Гумилева. Но рассмотреть их по-новому, отвлекаясь от тех паранаучных рассуждений и решений, которыми так изобилуют труды "последнего евразийца". Кризис теоретической мысли, в котором наша наука оказалась в 1990-е годы, следует преодолевать не созданием новой догматики, а постановкой новых вопросов и рассмотрением этнографических материалов свежим взглядом, незамутненным априорными концепциями, почерпнутыми из вненаучного дискурса, изобилующего ксенофобией, а также антизападническими и антииммигрантскими настроениями.

Примечание

¹ Неслучайно один автор усмотрел в геополитике разновидность религии (Кагарлицкий 2005).

Литература

- Грум-Гржимайло 1926 – Грум-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. 2: Исторический очерк этих стран в связи с историей Средней Азии. Л., 1926.
- Кагарлицкий 2005 – Кагарлицкий Б. Геополитика как религия // Свободная мысль. 2005. № 8. С. 3–15.
- Miliukov 1930 – Miliukov P.N. Eurasianism and Europeanism in Russian History // Festschrift Th. G. Masarik zum 80. Geburtstag. Erster Teil. Bonn, 1930. S. 225–236.
- Shirokogoroff 1936 – Shirokogoroff S.M. La Théorie de l'Ethnos et sa place dans le système des Sciences anthropologiques // L'Ethnographie. 1936. № 32. P. 85–115.